

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея ЛИТВИНОВЫХ:

- Осколки великой мечты
- Быстрая и шустрая
- Даже ведьмы умеют плакать
- Кот недовинченный
- Красивые, дерзкие, злые
- Боулинг-79
- Пальмы, солнце, алый снег
- Наш маленький Грааль
- Внебрачная дочь продюсера
- Ревность волхвов
- Ideal жертвы
- Золотая дева
- Я тебя никогда не забуду
- У судьбы другое имя
- Та самая Татьяна
- Мадонна без младенца
- Семейное проклятие
- Изгнание в рай
- Над пропастью жизнь ярче
- Главная партия для третьей скрипки
- Мертвые не лгут
- Девушка не нашего круга
- Я все скажу

Сериал «Авантюристка»

- Отпуск на тот свет
- Все девушки любят бриллианты
- Проигравший получает все
- Второй раз не воскреснешь
- Предмет вождения №1
- Оскар за убийную роль
- Дата собственной смерти
- Парфюмер звонит первым
- SPA-чистилище
- Вояж с морским дьяволом
- Биография smerti
- Девушка без Бонда
- Три последних дня
- Незримая связь
- Джульетта стреляет первой
- Жемчужные тени
- Вижу вас из облаков

Сериал «Спецкор отдела расследований»

- Эксклюзивный грех
- Рецепт идеальной мечты
- Коллекция страхов прет-а-порте
- Ледяное сердце не болит
- Одноклассники smerti
- В Питер вернутся не все
- Через время, через океан

Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!
Смерть за добрые дела
Красивая женщина умирает дважды

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания – многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть
Колесницы судьбы

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпустят дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Кот недовинченный

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л64 Кот недовинченный : роман / Анна и Сергей
Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-199889-9

Давным-давно великий мастер Леонардо да Винчи работал над уникальным изобретением, которое так и не смог довести до совершенства... В наши дни великий компьютерщик Антон развил его идею и создал программу стоимостью в миллионы долларов...

Катин племянник Ленчик прибежал к тетке за помощью: пропал его друг. Перед тем как исчезнуть, Антон спрятал свою программу где-то в Интернете. А пути-наводки разослал по адресам дамочек, вышедших замуж за иностранцев через брачное бюро, где он подрабатывал. Тетя с племянником отправляются в Европу, а там выясняется, что у них есть весьма опасные конкуренты. Каскад погонь и приключений безостановочно несет Катю и Ленчика через венецианские каналы, узкие улочки Вероны, проспекты Мадрида, снежные горы Сьерра-Невады... Все дальше и дальше — на поиски чуда...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199889-9

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Пролог

С улицы донесся шум подъезжающей машины. Затем — скрип тормозов. Звуки далеко разносились в ночной тишине.

Антон метнулся к окну, выглянул из-за жалюзи. Из старой «бээмвухи» вылезали двое качков. Антон сразу понял: они — по его душу. И хотя он ждал визита и был готов к нему, его наполнил противный страх. Сердце заколотилось, реагируя на ударный выброс адреналина.

Антон бросился к двери, запер ее на ключ. Затем, кряхтя, пододвинул к двери диван. Это хоть немного задержит их.

Он потушил в офисе свет. Юноша неоднократно прокручивал в уме, как станет уходить, поэтому ему оставалось просто в точности делать то, что он наметил раньше.

Снизу — оттуда, где дремал охранник, — донеслись резкие голоса. Затем — возня. Шум падающего тела.

Пальцы Антона запорхали по клавиатуре. Компьютер начал выполнять заданные команды. Чтобы не терять времени, Антон откручивал винты на корпусе процессора.

С лестницы донеслись неотвратимые шаги. Компьютер завершил заданную программу. Антон выдернул штепсель из розетки. Сейчас не время заботиться о ее корректном завершении.

Ручка задергалась. Затем в дверь забарабанили. Только бы успеть!

Антон лихорадочно снял крышку процессора. Вроде бы он все предусмотрел и не раз проигрывал в уме свои действия, однако руки, тем не менее, тряслись.

В дверь раздалась глухие удары плечом. Она затрещала, но пока не поддавалась.

Антону нужна была всего пара минут — но были ли они у него, эти минуты?

Из-за двери раздалась нетерпеливые выстрелы.

*За 512 лет до описываемых событий.
Милан, 1493 год*

В кабинете герцога Сфорцы горел камин, и это был единственный источник света в помещении. Окна плотно завешены, и подходить к ним строго запрещалось: вдруг гость даст знак заговорщикам — реальным или воображаемым.

В редких отсветах пламени лицо герцога, прозванного за смуглость кожи Моро, то есть «черный», казалось еще темнее. Герцог был мрачен, и развеселить его не могло даже присутствие его молоденькой любовницы Цецилии Гальерани — хорошенькой, тоненькой, большеглазенькой. (Ее лицо, благодаря несравненному искусству Мастера известное как «дама с горностаями», на века переживет и ее самое, и герцога Сфорцу, и самого Мастера.)

И тогда угрюмый герцог послал за Мастером. В последнее время то был единственный человек, способный его расшевелить, заинтересовать, заставить забыть.

Мастер не заставил себя ждать. Через минуту он уже вошел в двери, услужливо распахнутые герцогским постельничим, и принял вид самый робкий и почтительный.

— Порадуй меня, — отрывисто бросил герцог Мастеру. — Посмеши!

— О, ваша светлость, — прижал руку к груди и поклонился Мастер, — для меня большая честь и великая прият-

ность доставлять вам радость. Не желаете ли услышать новые загадки?

— О, загадки, загадки! — захлопала в ладоши Цецилия.

Однако герцог ожег девушку мрачным взглядом, и та осеклась.

— Не хочу, — капризно пробасил Сфорца и хлопнул ладонью по столу. Затем глубоко вздохнул и снизошел для пояснения: — Тошно мне.

— В таком случае, ваша светлость... — снова поклонился Мастер и весьма расчетливо смешался. — Ох, я приберегал ЭТО для праздника именин вашей светлости, одна-ко... Если вы изволите приказать...

— Что? — отрывисто бросил Сфорца.

— Позволю себе спросить: может, ваша светлость прикажет все же отложить демонстрацию до ваших именин?

— Что, говори! — нахмурил брови герцог, и по выражению его лица, а также громовому голосу было ясно: это человек не привык, чтобы ему перечили.

— Позвольте мне, ваша светлость, не упреждать своими недостойными пояснениями демонстрацию аппарата, дабы своими речами...

— Хватит предисловий! Покажи мне! Быстро! Сейчас!

Хорошо затаенная довольная усмешка блеснула в глазах Мастера, и человеку наблюдательному стало бы ясно: он вызвал в герцоге именно ту реакцию, которой добивался. Впрочем, Сфорцу нельзя было отнести к числу людей, внимательных к оттенкам человеческих чувств.

Мастер растворил дверь кабинета и вышел. Куда теперь делась его униженность! Это был человек, приближенный к трону, чуть ли не личный друг герцога. Он надменно бросил немедленно подскочившему к нему постельничему:

— Его светлость велели принести! Живо!

А еще через минуту постельничий на вытянутых руках внес в кабинет герцога НЕЧТО, укрытое сверху грубой тканью. Лицо постельничего выражало брезгливость, смешанную с ужасом.

Глава 1

Москва.

Наши дни.

25 февраля.

Катя Калашиникова

Катя любила своего непутевого племянника Леньку Коноплева.

К сожалению, эта любовь не была взаимной.

Нет, наверное, Ленька испытывал по отношению к своей тетке теплые чувства. И если б его, предположим, спросили, любит ли он ее — племянник, конечно, ответил — с искренним удивлением: мол, о чем базар?! Ессесенно, люблю! Однако в Ленькиной жизни, переполненной тусовками, девочками, зачетами, лабами и зарабатыванием денег, Катерине просто не находилось места.

Он появлялся у тетки на день рождения, под Новый год или на Восьмое марта, с видимым удовольствием сметал салаттики и прочие яства, что ему подносилось, — а потом исчезал и снова появлялся лишь к следующему празднику. Кате оставалось только с ностальгией вспоминать, как они лет десять назад вместе со старшей сестрой Дашкой и ее сыном — маленьким Ленчиком — отдыхали под Геленджиком. Тогда Катя, еще студентка, учила десятилетнего Лелика прыгать на тарзанке, кувыркаться в воде, а также просвещала его насчет современного американского сленга.

А теперь Ленчик вырос, бороду бреет, на авто разъезжает, и никто из родни ему не нужен. Иногда, правда, он о тетке вспоминал «внепланово», не под праздник. Когда ему, например, ключи от квартиры неотложно требовались.

Или — если у него что-то случилось.

Вот и сейчас слегка истерическая «эсэмэска», пришедшая от Ленчика, свидетельствовала, что с ним опять, похоже, что-то стряслось:

«Тетьнка, хотел бы срочно с тобой увидеться. Согласен на любые условия. Напиши, когда, где».

Катя только что отпустила последнюю группу ученичков и стала наполнять ванну. Она предвкушала пятничное вечернее расслабление: долгое лежание в хвойной пене с ленивым листанием свежего «Космополитена». Праздничный мартовский «Космо» весил три пуда, и просматривать его можно было бесконечно, отмокая после тяжелой трудовой недели... Однако не могла же Катя отказать ради журнала любимому племяннику?! Видать, у него и впрямь неприятности. Поэтому она взяла мобильник и быстро протелеграфировала (то есть «проэсэмэсила» — так, что ли?): *«Приезжай прямо сейчас! Есть паэля, сможешь ее съесть».*

Ленчик откликнулся немедленно: *«Да ты поэтесса! Скоро буду».*

Вот свинья, подумала Катя, насмехается над старшими. Поэтессой обозвал. И что значит: «Скоро буду»? «Скоро» — это как? Через пять минут? Пятнадцать? Или через два часа?

Н-да, такая уж привилегия у юности: быть равнодушным ко всему, что не относится впрямую к ее собственной жизни. В том числе и к своим родным. Катя сама точно такой была — всего лет десять назад.

Вздыхнув, Катя выпустила воду, уже успевшую залиться в ванну, и отправилась на кухню: провести ревизию холодильника. Паэля — паэльей, но ею дело вряд ли ограничится: Ленька метал будь здоров, что бы с ним ни случилось.

...Ленчик явился через пятнадцать минут с тремя замороженными тюльпанчиками.

— С наступающим Восьмым марта, тетенька, — пробормотал он, протягивая букетик Кате.

— Лелик, окстись! До восьмого марта еще две недели. Ты, компьютерщик, считать-то умеешь?

— Не очень хорошо, — парировал племянник. — Так, на семь-восемь, и то с калькулятором. А что, рано цветочки дарить, да? Тогда я могу забрать.

— Ох, Лелик! Наглость твоя не имеет границ.

— Я знаю.

— Ты меня своими цветами конкретно пугаешь. Я и без того думаю: что же могло случиться, чтобы ты ко мне вдруг заявился? Да еще в пятницу вечером? Неужели Машка беременна?

— Не дождетесь, — нахмурился Ленья.

— Тогда что?

— А я-то думал, здесь паэлью дают, а не мозги полоскают...

— Хорошо, тогда мой руки — и давай за стол.

— Фу. Как пошло, в мамином стиле: «мой руки», «давай за стол».

— Не хочешь? Кормить не буду.

— Хочу, тетенька! Очень хочу!

Катя давно открыла секрет кормления племянника — порцию ему надо подавать ровно такую, чтобы казалось: обычный человек столько съесть не в состоянии. Однако Лелик всякий раз уминал, и с преобладающим удовольствием.

Вот и сейчас она навалила ему двойную дозу паэльки, рис аж за края тарелки высывался — а Лелик ничего, слопал за милую душу. Срубил — и очевидно повеселел. Лицо разгладилось, зарозовело, глаза заблестели.

— Ох, хор-рошо! — с чувством произнес племянник, отвалившись от еды.

— Вкусно?

— Еще как! Супер! Просто чудеса творишь! Паэлька лучше, чем в Испании.

— А ты что, был в Испании?

— Нет, — быстро ответил племянник, — но паэлька у тебя все равно вкуснее.

— За что люблю я тебя, Лелик, — благодарно проговорила Катя, — умеешь ты сказать доброе слово.

— А что, Паша твой Синичкин не умеет?

— Куда ему! Из него простое «спасибо» клещами нужно вытягивать. Одно слово, мент — хоть и бывший.

— А где он, кстати, сейчас?

— Понятия не имею. Наверно, у себя, на Дмитровке. А может, по бабам шляется. Он у нас теперь человек свободный.

— Вы что с ним, опять поругались? — участливо поинтересовался Ленчик.

— Опять, — вздохнула Катя. — Но на этот раз, думаю, уже навсегда.

— Жа-алко. А у меня к нему дело было.

— Звякни ему сам. Телефоны знаешь.

Племянник скривился, но Катя продолжила:

— Он, наверное, даже обрадуется. Люди склонны любить тех, кому они сделали добро.

— Супер! — восхитился Ленчик.

— Что?

— «Люди склонны любить тех, кому сделали добро». Ты сама придумала? Гениально!

— Ты сегодня, Лелик, что-то подозрительно сладкий. Ну-ка, давай выкладывай, что случилось.

— Со мной — ровным счетом ничего.

— А с кем тогда? С мамой? — встревожилась Катя.

— Нет, у нее тоже все нормуль. Как всегда: занудствует да каши мне варит. — Ленчик скривился.

— Тогда у кого проблемы?

— У моего ближайшего и лучшего друга.

— Рассказывай.

— Тебе по-мужски излагать — или по-женски?

— В смысле?

— Женщины обычно повествуют по порядку: с чего началось, как продолжалось, чем закончилось. А мужики сначала выкладывают самое главное, а потом уже переходят к деталям.

— То есть перескакивают с пятого на десятое. Ладно, рассказывай как хочешь, юный спец по гендерным проблемам.

— И спрашивать не буду, кто такой этот гендер...¹ Короче, рассказываю. В привычном тебе женском стиле.

И Леня поведал Кате следующее.

...Еще на втором курсе к ним в группу пришел новенький. Он год проболел (или прокосил, Ленчик точно не знал), брал академку, отстал на курс. Звали его Антон Старостин. Прошло достаточно непродолжительное время, и он стал Лениным закадычным другом. Во многом сему способствовало то, что Антон был мегапрограммистом — лучшим на курсе.

— Лучше тебя? — удивилась Катя.

Вопрос был не случаен. Ленчик являлся всем известным — во всяком случае, в масштабах семьи — программистом, компьютерщиком, хакером. Казалось, для него нет ничего невозможного. Проникнуть в сеть сотового оператора и пополнить счет парой сотен долларов — пожалуйста. Взломать сайт хозарских сепаратистов — ничего нет проще. И потом, звание победителя Всемирной компьютерной олимпиады в Кейптауне (которое с гордостью носил Ленчик) тоже абы кому не дадут.

— Увы, — вздохнул племянник, — Тоха был лучше, как ни обидно признавать сей прискорбный факт. Но... Как говаривал Аристотель, Платон мне друг, но истина дороже.

— Это Сервантес говаривал, — машинально поправила Катя. — Во второй части «Дон Кихота».

— Правда? — рассеянно изумился Ленчик. — Ну, какая разница. Главное, Тоха был в наших компьютерных делах очень крут. Мы с ним не раз и не два сходились в честном поединке. И почти всегда он меня — делал...

¹ Гендер — пол, в соответствии с которым человек строит свое поведение в обществе.

Выражаясь доступным тебе, филологине, языком: если я по компам мастер спорта или, — скромно добавил юноша, — мастер спорта международного класса, то он был гроссмейстером.

— Да ты у нас скромняга настоящий, — пробормотала Екатерина.

— Да, я такой!.. Тошка вообще, — продолжал Ленчик, — очень многоталантливый человек. Мы с ним пьесу сочинили, для КВНа, и он в ней главную роль играл. А однажды вот что было: Тоха вдруг исчез. Появился через четыре дня — небритый, невымытый, глаза красные. «Где был?» — «А я, — говорит, — биотехнологией увлекся. Создал компьютерную муху с шестью крыльями». — «И где же она?» — «Улетела».

— Прямо настоящий Леонардо да Винчи, — усмехнулась Катя.

Ленчик на ее иронию не отреагировал, настаивал:

— Не, он правда реальный гений.

— Что ж мы ничего о твоём Антоне не знаем? — с легким сарказмом спросила Катя. — Почему он до сих пор не явил свои многочисленные таланты миру?

— Да потому, что Тоха — редкостный раздолбай.

— Ещё больший, чем ты? — ехидненько поинтересовалась Калашникова.

— Пф-ф! Я по сравнению с ним в данном спорте вообще ребенок. Второй юношеский разряд, не больше. А он и тут — гроссмейстер.

— Могу себе представить... — пробормотала Катя.

— Нет, даже не можешь! У Тохи любимое занятие — на все забивать. На институт, на работу, даже на комп свой любимый — на все. Чтобы для КВНа роль выучил и на сцену вышел, наши артисты за ним в общагу по очереди приходили, будили и на репетиции силком волокли.

— А как он учится? — спросила Катя.

— Ф-фу! — сморщился Ленчик. — Что за вопрос! Сразу видно, что ты преподша! Доцентша!.. Да он на лек-

ции вообще не ходит, даже на семинары забивает и ни к одному из экзаменов дольше двух часов не готовился.

— А оценки?

— Ох, ты такая же, как и мать моя! Одни оценки вам интересны! Да Тоха, если хочешь знать, с его талантами мог бы президентскую стипендию получать!

— Но не получал, — закончила за племянника Катя.

— Он и обычную-то не получал.

— Чем же твой Антон вместо учебы-то занимался?

— Тупил! Тормозил. Информацию потреблял. По Сети ползал, когда деньги были. Пиво пил.

— Ну, этим все студенты грешны.

— Но Тоха — в особо злостных масштабах. Знаешь, кстати, какая у него кликуха была? «Тоха-Питоха». Потом первая часть отвалилась, и он у нас просто Питохой стал. Или Питухой. Хотя на Питуху он обижался: на «питуха» похоже.

— Ясно. Все вы — утопленное в пиве поколение. Но ты ведь, Лелик, ко мне приехал не для того, чтобы к сочинению готовиться. На тему «Антон Старостин — лишний человек двадцать первого века».

— Совершенно центрально замечено! Но ты ж сама велела, чтобы я рассказывал по-женски, то есть последовательно. Стал-быть, это была только присказка. Или экспозиция, как вы, гуманитарии, выражаетесь.

— Тогда рассказывай сказку.

— Пожалуйста. Мы перешли на пятый курс, и тут Тоху как подменили. Во-первых, он работать пошел...

— Куда?

Ленчик опять скривился:

— В брачное агентство под названием «Уж замуж за рубеж».

— Что, серьезно так называется?

— Ага.

— И кем он там работал? Женихом?

Леня хохотнул — оценил шутку.

— Нет, сисадмином¹. Но не в том суть. Главное, Тоха опять чем-то увлекся. Сильно увлекся. Как с той мухой. Дни и ночи за компом сидел. В институте вообще не показывался.

— Увлекся — чем?

— А я знаю?!

Катя нахмурилась.

— Ты же вроде говорил, что друг его.

— А я и не отрекаюсь. Да, друг. Но он знаешь какой скрытный был!..

— Что, — прищурилась Екатерина, — ничего тебе не рассказывал? Даже за пивом?

— Не.

— А ты его спрашивал?

— Хм! Неоднократно.

— И что Антон отвечал?

— Да много всякой пурги. Но знаешь, Катюшечка, — Ленчик редко называл тетку по имени, но когда сие случалось, ее имя звучало в его исполнении особенно про-никновенно, — я, конечно, проинтегрировал его ответы. И получилось у меня, что Тоха клепал на заказ какую-то суперпуперпрограмму.

— Какую программу? Для чего? Про что?

— Представления не имею. Единственное, однажды, когда он «трех топоров» (ну, портвейна «Три семерки») накеросинился, начал орать, что программа его, типа, революцию произведет, а сам он миллиардером будет, круче Гейтса. И тогда меня к себе вице-президентом возьмет.

— Типичная для алкоголиков мания величия, — по-морщилась Катя.

— Я б не спорил, — кивнул Леня, — когда б не знал, на что Тоха способен. Он ундервуд настоящий — то есть вундеркинд. Честно тебе говорю.

¹ С и с а д м и н — системный администратор.

— Но ты ко мне приехал явно не для того, чтобы своего друга рекламировать. Или ты за него замуж собрался?

— Нет, — с серьезной миной помотал головой племянник, — я до противности гетеросексуален. Из-за чего и страдаю.

— Почему — страдаешь? — улыбнулась Екатерина.

— А, думаешь, легко овец в койку затаскивать?! Особенно симпатичных?

— Я думаю, тебе — легко.

— Да?! С моим-то не телосложением, а «теловычитанием» и с полным отсутствием бицепсов?

— Зато ты, Лелик, чертовски обаятельный, — без грамма иронии сказала Катя.

— Спасибо тебе, тетечка, на добром слове.

— У твоего друга, кстати, девушка была?

— Случались всякие. Одноразовые. Когда он еще в общаге жил.

— Жил? А потом куда переехал?

— Ну, формально он в общаге и числился, а фактически — в том брачном агентстве гнездо себе свил. Компы там имелись мощнейшие (непонятно, правда, зачем) — вот Тоха по ночам на них и работал. И пиво дул. Тетки брачные его обожали, ключи от офиса доверяли. Диванчик там у него стоял, он пару часов под утро прикорнет, а днем опять вокруг компьютеров шаманит...

Катя не удержалась — зевнула, обычное дело для пятничного вечера.

Ленчик посерьезнел. Сказал:

— Ну ладно, тетечка, предыстория затянулась. Пора переходить к главному. Короче, неделю назад Питоха исчез.

— В смысле — уехал куда-то?

— Не совсем.

Леня вынул из кармана штанов (настолько обширного, что туда ноутбук можно было засунуть) сложенную вчетверо газету «Молодежные вести». Кате бросился в

глаза заголовок: *«Загадочное преступление в брачной конторе».*

Она пробежала глазами заметку:

«Удивительное преступление произошло в одной из столичных брачных контор, специализирующейся на «поставке» московских невест на внешний рынок. Ночью в агентство (оно размещается в двухэтажном особнячке на Сретенском бульваре) проникли двое неизвестных в масках. Они «вырубили» единственного охранника с помощью электрошокера, затем связали его, заткнули рот и вошли в помещение брачной конторы. Но спустя непродолжительное время, обыскав особняк и практически ничего не прихватив, налетчики покинули место преступления.»

Секьюрити сумел освободиться от пут только через несколько часов. Он и вызвал полицию. Полицейские, прибывшие на место происшествия, подтвердили, что из агентства похищен лишь жесткий диск одного из компьютеров. Однако в деле имеется одна странность: охранник утверждает, что в ту ночь в помещении брачной конторы присутствовал еще один человек. Это 21-летний пятикурсник Технического университета имени Баумана Антон С. Студент подрабатывал в агентстве сетевым администратором. Он был, по словам руководителей брачной конторы, чрезвычайно увлечен компьютерами и очень хорошо разбирался в них. Антон частенько засиживался в помещении агентства до глубокой ночи, а порой и спал там. В ночь нападения С. также присутствовал в офисе. Однако, как утверждает охранник, он не выходил из помещения ни вместе со странными налетчиками, ни после них. На рабочем месте также не нашлось никаких следов пребывания С., и до сих пор непонятно, куда он мог «испариться». Полиция предполагает, что молодой человек может быть связан с преступлением, и предпринимает меры по его розыску, однако ни дома, ни в институте С. не появлялся, а его мобильник молчит. Сыщики ломают голову над тайной его исчезновения».

Калашникова дочитала заметку до конца, а потом взглянула на выходные данные газеты.

— Газета сегодняшняя. А ты говорил, что твой друг неделю назад исчез.

— А он и испарился неделю назад. Непонятно, почему заметка только сейчас появилась. Как будто ее специально мариновал кто-то.

— Я думаю, не специально. У газетчиков же как? Для убийства место на полосе всегда найдется. А про ограбление, тем более такое, напишут только тогда, когда больше писать не о чем... А что, Антон и в самом деле вообще исчез?

Леня кивнул:

— Угу. Ни в общаге не светился, ни в универе. И мобила вырублена.

— Может, домой к себе уехал? Откуда он родом?

— Из Ярославля. Но я родакам его уже звонил, номер Тохин домашний знаю. Поговорил я с предками аккуратненько, чтоб не беспокоить. Я, мол, из Англии с практики вернулся, вот Старостина ищу. А они дико удивились: он, говорят, в Москве — учится.

— А ты не спросил, когда он последний раз родителям звонил?

— Спросил. Ровно восемь дней назад. Как раз в день перед исчезновением.

— И они не волнуются?

— До моего звонка не начинали. Что у него мобильник молчит, их не удивляло: Тошенька, говорят, у нас такой рассеянный, вечно забывает баланс пополнить.

— Может, он с девушкой какой-нибудь познакомился? И завис у нее?

— Как-то за ним раньше не водилось подобных зависаний.

— Все когда-то бывает в первый раз, — глубокомысленно протянула Катя, сама не очень веря в подобное объяснение. — А в полиции что говорят?

— Ищут, — развел руками Ленчик. — Сами хотят Антона допросить по факту нападения на охранника и агентство.

— Ну, всем известно, как наша полиция рьяно работает.

— Вот и я о том же.

— О чем — о том же? — прищурилась Катя.

— Да пора уже, чтобы за дело Антона взялся настоящий профессионал!

— Ты на Пашу Синичкина намекаешь?

— Именно. На него.

Тон Екатерины заледенел.

— Ну и обращай к нему сам.

— Он же не мой бойфренд, — надул губки Лелик, — а твой.

— Он мой *бывший* бойфренд.

— Какая разница!

— Нет, это дьявольская разница. Не могу я после всего, что было, звонить ему, а тем более о чем-то просить.

— Катюшечка, — капризно скуксился Ленчик, — ты же понимаешь, что, если я (или, допустим, мама моя) к Синичкину обратимся — нам придется ему платить. А у нас денег нет, да если б и были — мама не согласится их на Питоху тратить. А для тебя Синичкин бесплатно Антона разыщет, да еще счастлив будет, что ты его помочь попросила.

— Нет, — решительно покачала головой Катя. — Не стану я Пашке звонить.

— Ну, Ка-а-атечка!.. — жалостливо протянул Коноплев-младший.

— В конце концов, — отрубил Екатерина, — у твоего Антона свои родители есть. Пусть они к Синичкину и обращаются — или в другое сыскное агентство.

— Да не потянут они агентство! Они ж из Ярославля! Папаня у него пожарным на нефтеперегонном заводе работает, а маманя — в районной библиотеке. Откуда у них деньги, а сыскные агентства, я узнавал, в день от пятисот

баксов требуют... И потом, неохота их раньше времени дергать.

— По-моему, время уже пришло.

— А по-моему, тебе, тетечка, твоя гордость важнее, чем жизнь и здоровье молодого человека — надежды отечественной науки.

— Лелик, не надо демагогии, — поморщилась Калашникова. — Никакой особенной надежды отечественной науки я, из твоего рассказа, в лице Антона не вижу. А вижу — безответственного лоботряса и керосинщика.

— Значит, раз лоботряс и керосинщик, — насупилась Ленчик, — то и не человек теперь?

— Не передергивай! Ты тоже, мой дорогой, бездельник и выпить не дурак. Но ради тебя я — не дай бог, конечно, — все, что угодно, сделаю.

Ленчик растерянно заморгал, а Катя решительно продолжала:

— И делала уже. Потому что ты мне — родной. А твой Питоха мне никто. Я его даже не видела ни разу.

— Ладно, — вздохнул Ленчик, — твою позицию я понял. Извини, что побеспокоил.

Он встал из-за кухонного стола.

— Ну и куда ты отправляешься?

— Искать Антона. Сам.

— Детский сад, — якобы в сторону прокомментировала Екатерина. — Ясельная группа. Как сейчас помню: когда я в тебя манную кашу впихивала, ты такой же суrowsый вид принимал.

— Пусти, я пошел.

— Сядь. Сядь и успокойся. Давай попьем чаю — у меня, кстати, имеются твои любимые эклеры — и все обмозгуем.

— А что мозговать, если ты Пашке звонить не хочешь? — пробурчал Антон.

— Но мы же что-то и сами можем сделать?

— Ура, тетя Катюшечка, — просиял Леонид, — ты в деле!